

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI [10.19181/demis.2026.6.1.7](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.7)

EDN [VVOCHA](https://www.edn.ru/VVOCHA)

Научная статья

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОЛИТИКИ АКТИВНОГО СТАРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кучмаева О. В.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН;

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: kuchmaeva@yandex.ru

Для цитирования: Кучмаева, О. В. Региональная дифференциация политики активного старения в современной России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 1. С. 110–128. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.7](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.7). EDN [VVOCHA](https://www.edn.ru/VVOCHA).

Аннотация. Процесс старения населения, выступающий характерной чертой современной демографической и социально-экономической ситуации в странах мира, затрагивает в разной степени регионы Российской Федерации. Россия участвует в реализации Мадридского международного плана действий по проблемам старения (2002 г.). В стране действует Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 г. Цель исследования: выявление типологических групп регионов России в зависимости от уровня старения населения и социально-экономической ситуации, что позволит определить специфику и детерминанты политики активного старения. Источником для анализа послужили данные официальной статистической отчетности и результаты выборочных обследований Росстата: Комплексное наблюдение условий жизни (раунд 2022 г.) и Обследование рабочей силы (2022 г.). Доля лиц старше 65 лет в населении Российской Федерации составляет в настоящее время 16,6% (2023 г.). Показатель варьирует от 4,9% в Республике Ингушетия до 20,5% в Тамбовской и Тульской областях. Старение населения и увеличение продолжительности жизни актуализирует проведение политики активного старения, в том числе вовлечение лиц старших возрастов в экономическую активность. Реализация модели политики активного старения имеет определенные региональные различия, определяется совокупностью демографических, экономических и социальных факторов. Исследование, проведенное с использованием методов многомерной классификации (кластерный анализ), выявило типологические группы регионов России по характеристикам и детерминантам политики активного старения, показало, что стимулирование трудовой активности лиц пенсионных возрастов в значительной степени определяется не только масштабами процесса старения, но и дефицитом рабочей силы, социально-экономическими возможностями региона в проведении политики активного старения.

Ключевые слова: старение населения, индексы старения, политика активного старения, кластерный анализ, дифференциации политики активного старения, пожилые люди

Введение

Старение населения, затрагивающее разные стороны жизни общества, привлекает все большее внимание исследователей в странах мира¹. Изменения возрастной структуры населения, обусловленные, с одной стороны, увеличением

¹ Старение в XXI веке: триумф и вызов // United Nations Population Fund : [сайт]. URL: <https://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/Ageing%20Report%20Executive%20Summary%20RUS-SIAN%20Final%20low%20resolution.pdf> (дата обращения: 01.12.2025); World Population Ageing 2020. Highlights // United Nations : [site]. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd-2020_world_population_ageing_highlights.pdf (accessed on 01.12.2025).

продолжительности жизни, с другой – снижением рождаемости, оказывают влияние на различные стороны жизни людей. Старение населения обуславливает необходимость трансформации пенсионных систем [1]. Изменения затрагивают потребительский рынок, рынок труда, систему медицинской помощи и социальной поддержки. В экономически развитых странах существенно отличаются объем и структура потребления представителей данной возрастной группы [1].

В демографическом плане старение – это увеличение относительной доли лиц пожилого возраста в составе населения. Темпы роста доли людей в возрастах старше 65 лет значительно превышают темпы увеличения численности населения в целом, к 2050 г. доля пожилых граждан вырастет до 16,3% от численности населения мира, к 2100 г. – до 23,9%².

Осознание значимости проблемы старения привело к принятию в 1982 г. Венского международного плана действий по проблемам старения, в 2002 г. в Мадриде II Всемирная ассамблея по проблемам старения приняла Политическую декларацию и Международный план действий по проблемам старения³. План предлагает три приоритетных направления для действий на национальном уровне: 1) пожилые люди и развитие общества; 2) здоровье и благосостояние в пожилом возрасте; 3) обеспечение, создающее широкие возможности и благоприятные условия. ВОЗ определила активное старение как «процесс оптимизации возможностей для здоровья, участия и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения людей»⁴.

Стратегия осуществления Мадридского международного плана действий по проблемам старения (2002) уделяет особое внимание таким направлениям, как непрерывное обучение в течение всей жизни человека, формирование стратегии самосохранительного поведения, создание качественных условий жизни пожилых людей, укрепление взаимопомощи поколений⁵. Важной задачей выступает привлечение пожилых людей на рынок труда [2; 3].

Страны мира реализуют программы, способствующие осуществлению политики активного старения⁶. В отчетах России о выполнении Мадридского международного плана действий по проблемам старения, представленных в 2011 и 2016 гг., отмечается глубина процесса старения, рост показателей нагрузки пожилыми людьми на трудоспособное население, гендерная диспропорция в старших

² World Population Prospects 2024 // Population Division of the United Nations Department of Economic and Social Affairs : [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (accessed on 01.12.2025).

³ Report of the Second World Assembly on Ageing // United Nations : [site]. URL: <https://docs.un.org/en/A/CONF.197/9> (accessed on 08.12.2025).

⁴ Active ageing: A Policy Framework // World Health Organization : [site]. URL: <https://extranet.who.int/agefriendlyworld/wp-content/uploads/2014/06/WHO-Active-Ageing-Framework.pdf> (accessed on 15.02.2026).

⁵ Региональная стратегия осуществления Мадридского международного плана действий по проблемам старения, 2002 год // ЕЭК ООН : [сайт]. URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/docs/ece/2002/ECE_AC23_2002_2_Rev6_r.pdf (дата обращения: 11.12.2025).

⁶ Национальные программы по созданию городов и сообществ, благоприятных для пожилых людей: руководство // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. URL: <https://www.who.int/ru/publications/i/item/9789240068698> (дата обращения: 11.12.2025).

возрастах в силу различий в уровне смертности и продолжительности жизни мужчин и женщин⁷.

Необходимость учета старения населения в социальном и экономическом развитии привела к формированию Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 г., которая подразумевает развитие общества с учетом интересов, потребностей и возможностей граждан старшего поколения, формирование условий для организации их досуга, обеспечение доступа пожилых к информационным и образовательным ресурсам. Препятствиями на пути формирования модели активного долголетия в России выступают проблемы со здоровьем и низкая продолжительность жизни лиц старшего поколения [4; 5; 6]. Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для женщин увеличилась в России с 1989 г. к 2023 г. с 74 до 79 лет, у мужчин – с 64 до 68 лет. Это не слишком значительный рост, одновременно сохраняется большой разрыв между показателями для мужчин и женщин. За тот же период времени продолжительность жизни мужчин в государствах с высоким уровнем дохода выросла на 7 лет, до 79 лет в 2023 г., женщин – на 5 лет, до 84 лет.⁸

Ситуация в регионах России весьма неоднородна. Доля лиц старше 65 лет в населении страны составляет 16,6% (2023 г.). Показатель варьирует от 4,9% в Республике Ингушетия до 20,5% в Тамбовской и Тульской областях. Старение населения и увеличение продолжительности жизни актуализирует проведение политики активного старения, включая вовлечение лиц старших возрастов в экономическую активность. Данные свидетельствуют о том, что показатели участия пожилых людей в экономической и социальной жизни регионов носят дифференцированный характер. Усилия по включенности пожилых людей в экономическую и социальную жизнь далеко не всегда определяются масштабами процесса старения и во многом зависят от экономических возможностей региона.

Целью работы выступает выявление типологических групп регионов Российской Федерации в зависимости от уровня старения населения и социально-экономической ситуации, что позволит определить специфику и детерминанты политики активного старения.

Развитие процесса старения населения России

На численность россиян пожилых возрастов оказывают влияние отголоски демографической волны, связанной с потерей населения в годы Второй мировой войны, последующая динамика рождаемости (ее подъемы и спады), рост продолжительности жизни. В 2024 г. 17,1% россиян находились в возрасте 65 лет и старше (табл. 1).

В то же время динамика уровня долголетия носит противоречивый характер, что связано с динамикой ожидаемой продолжительности предстоящей жизни. Ее

⁷ Отчет о выполнении Региональной стратегии осуществления Мадридского международного плана действий по проблемам старения в Российской Федерации // ЕЭК ООН : [сайт]. URL: https://unece.org/DAM/pau/age/country_rpts/2017/RUS_report.pdf (дата обращения: 12.12.2025).

⁸ World Population Prospects 2024 // Population Division of the United Nations Department of Economic and Social Affairs : [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (accessed on 01.12.2025).

снижение на протяжении 90-х гг. XX столетия (до 65 лет, в том числе 59 лет для мужчин и 72 года для женщин) и в период пандемии COVID-19 (до 70 лет, в том числе 66 лет для мужчин и 75 лет для женщин) привели к снижению коэффициента долголетия.

Таблица 1

Динамика показателей старения в России (%)

Table 1

The dynamics of aging indicators in Russia (%)

Год	Коэффициент старения (доля населения в возрасте 65 лет и старше в общей численности населения)	Коэффициент долголетия (доля населения в возрасте 80 лет и старше в численности населения в возрасте 60 лет и старше)
1989	9,7	11,8
2002	12,8	9,9
2010	12,7	16,1
2017	14,2	15,5
2018	14,6	16,4
2019	15,1	17,0
2020	15,5	17,2
2021	15,7	17,0
2022	16,1	16,4
2023	16,6	15,6
2024	17,1	13,8

Источник: рассчитано автором по данным Росстата⁹

Прогнозы указывают на то, что старение населения России будет только нарастать [7; 8]. По расчетам Росстата, доля населения старше трудоспособного возраста увеличится к 2040 г. до 25,0%, 2045 г. – до 26,5%. Трансформация возрастной структуры населения, затрагивающая ситуацию на рынке труда, заставляет государство обратиться к увеличению масштаба трудовой активности пожилых людей. За 20 лет, 2002–2022 гг., уровень занятости населения трудоспособного возраста в стране увеличился более чем на 8 п. п., до 79,0%. Наряду с этим происходил рост уровня занятости населения старше 60 лет (табл. 2).

Таблица 2

Уровень занятости населения в возрасте 60 лет и старше (%)

Table 2

Employment rate of the population aged 60 and over (%)

Год	Все население			Мужчины			Женщины		
	60–64	65–69	70 и старше	60–64	65–69	70 и старше	60–64	65–69	70 и старше
2010	30,1	9,2*	-	38,3	12,3	-	24,3	7,5	-
2015	30,8	11,7*	-	37,9	14,2*	-	25,9	10,2*	-
2016	31,1	11,5*	-	37,9	13,7*	-	26,4	10,1*	-
2017	30,4	12,4	2,0	37,8	15,4	3,0	25,2	10,5	1,5
2018	31,7	12,8	2,3	39,4	15,5	2,9	26,3	11,1	2,0

⁹ Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 01.12.2025); Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 01.12.2025).

Продолжение таблицы 2

Год	Все население			Мужчины			Женщины		
	60–64	65–69	70 и старше	60–64	65–69	70 и старше	60–64	65–69	70 и старше
2019	32,4	13,7	2,4	40,1	16,5	3,2	26,9	11,9	2,1
2020	33,6	13,3	2,3	41,6	16,2	3,2	28,0	11,6	1,9
2021	36,0	13,0	2,1	47,2	16,1	2,9	27,9	11,1	1,7
2022	37,8	12,7	1,9	49,9	15,7	2,6	28,9	10,8	1,6
2023	41,2	12,8	1,9	55,7	16,4	2,6	30,5	10,5	1,5
2024	44,1	14,8	2,1	59,2	18,2	2,8	32,9	12,5	1,8

* *Примечание:* 65–72 года; с 2017 г. изменены границы возраста опрашиваемых в ходе обследований рабочей силы – от 15 лет и старше

Источник: составлено автором по данным Росстата¹⁰

Индикаторы активного старения

Решение проблемы социальной эксклюзии пожилых, их вовлеченности в жизнь общества выступает актуальной задачей современного общества [9; 10]. Методики измерения активного долголетия отличаются набором индикаторов, большинство включает оценку здоровья и развитость социальной инфраструктуры [11]. ВОЗ выделяет 6 групп факторов активного долголетия: модели оказания медицинских услуг и социальной помощи; поведенческие; личностные; социальные; экономические; инфраструктурная среда.¹¹

В работе О. Н. Калачиковой и соавторов [11] в качестве индикаторов активного долголетия так же использованы: социальные связи, досуг и увлечения, непрерывное образование и саморазвитие. В оценке ситуации уделяется внимание мнению самих пожилых людей и экспертным оценкам специалистов [12]. Социальная включенность, социальные связи охватывают широкий спектр параметров, в том числе неформальное общение с друзьями; участие пожилых людей в деятельности общественных организаций и неформальных сообществ [13].

Внимание к социальной активности пожилых людей в ходе мониторинга реализации политики активного старения обусловлено значимостью сферы досуга как способа самореализации для пожилых людей, наряду с занятостью населения [14].

Развитие системы социальной поддержки пожилых людей способствует их социальной включенности, ведет к формированию общества, доброжелательного к пожилым [15].

Необходимость оценки и измерения активного старения, выявления его детерминант находят отражение в расчете интегральных индексов [16]. Индексы старения используются для оценки и сравнительного анализа положения пожилых в странах мира [17; 18; 19].

Интегральный индекс, направленный на оценку положения пожилых людей в обществе – Индекс активного долголетия – используется с 2012 г. [20]. В его составе учитываются 22 показателя, затрагивающих четыре сферы: «занятость», «участие в социальной жизни», «независимая, здоровая и безопасная жизнь»,

¹⁰ Итоги выборочного обследования рабочей силы Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 01.12.2025).

¹¹ Active ageing: A Policy Framework // World Health Organization : [site]. URL: <https://extra-net.who.int/agefriendlyworld/wp-content/uploads/2014/06/WHO-Active-Ageing-Framework.pdf> (accessed on 15.02.2026).

«возможности и благоприятная среда для активного старения»¹². Расчет Индекса активного долголетия для России демонстрирует его рост (с 34,0 в 2020 г. до 38,2 в 2024 г.), прежде всего, за счет развития «возможностей и благоприятной среды для активного долголетия»¹³.

Индекс Global AgeWatch Index¹⁴ оценивает положение пожилых людей в четырех областях: «материальная обеспеченность», «состояние здоровья», «личный потенциал» и «благоприятная среда».

Разнообразие подходов и методов к изучению старения доказывает исследовательский интерес к оценке ситуации, затрагиваемой международными и национальными планами «активного старения» [21]. Сложность подбора индикаторов активного старения определяется и многоаспектностью явления. О. В. Синявская и А. А. Червякова отмечают, что измерение активного долголетия может корректироваться с учетом специфики социальной политики страны. В частности, в отношении оценки ситуации в России возможно включение в состав индекса таких показателей, как характеристики досуга пожилых людей (посещение учреждений культуры, путешествия), услуги социального обслуживания, доступность транспорта, удовлетворенность жизнью [6]. Выбор показателей для оценки в значительной степени определяется концептуальными подходами к пониманию сущности процесса активного старения и желанием получить инструмент для корректного сравнения и выявления происходящих изменений в положении пожилых людей в обществе.

Исследователи констатируют, что детальный анализ индикаторов старения позволяет учесть демографические изменения, определить перспективы социальной политики, направления инвестирования в человеческий капитал, инфраструктурные проекты и инновации [22]. Значения характеристик, определяющих положение пожилых людей в обществе, значительно дифференцированы по странам мира¹⁵. Мозаичная картина с показателями, характеризующими положение пожилых людей, наблюдается и в разрезе регионов Российской Федерации.

Методы и источники данных

Выводы работы построены на данных массивов выборочных обследований Росстата: Комплексного наблюдения условий жизни населения (раунд 2022 г.), выборка – численность лиц в возрасте 60 лет и старше – составила 33905 человек, проживающих в различных регионах России; Обследования рабочей силы (2022 г.), выборка составила 294346 человек в возрасте 60 лет и старше. Данные Выборочных обследований дают возможность исследовать экономическую и социальную активность пожилых людей, детерминанты и направления политики активного старения.

¹² Индекс активного долголетия (ИАД) в странах за пределами ЕС и на субнациональном уровне. Методические рекомендации // UNECE : [сайт]. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-07/AAI_Guidelines_final_RUS.pdf (дата обращения: 01.12.2025).

¹³ Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 01.12.2025).

¹⁴ Global AgeWatch Index // Global AgeWatch : [site]. URL: <http://globalagewatch.org/> (accessed on 01.12.2025).

¹⁵ Active Ageing Index // UNECE : [site]. URL: <https://unece.org/population/active-ageing-index> (accessed on 01.02.2026).

Для проверки гипотезы о том, что реализации политики активного старения в регионах России определяется не только масштабами старения, но и совокупностью социальных и экономических факторов, использовался иерархический кластерный анализ. С учетом различий в размерности признаков предварительно была проведена стандартизация показателей.

Показатели для кластерного анализа отбирались на основе подходов, используемых при оценке активного старения населения, с одной стороны, и необходимости отражения экономической ситуации в регионе, влияющей на возможности реализации активной социальной политики, – с другой. К сожалению, в открытом доступе отсутствуют показатели, характеризующие затраты региональных бюджетов непосредственно на реализацию политики активного старения. Однако масштабы затрат на социальную политику в целом косвенно характеризуют возможности регионов в создании условий для благополучия пожилых людей.

Изначально были отобраны 36 показателей – данные в разрезе регионов России за 2022 г., на основании результатов Обследования рабочей силы и Комплексного наблюдения условий жизни населения, а также официальной статистики Росстата.

Выбранные показатели характеризуют масштабы старения населения в регионах страны (1), порой оказывающее влияние и на ситуацию на рынке труда; выступают индикаторами реализации политики активного старения (2); демонстрируют экономические возможности региона в реализации социальной политики и политики активного старения, в частности (3):

(1) X36 – коэффициент демографической нагрузки лицами старше трудоспособного возраста (женщины 55 лет и старше, мужчины 60 лет и старше) (%);

X2 – ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении (лет);

X7 – доля населения в возрасте 65 лет и старше в численности населения (%);

(2) X8 – фактическая продолжительность рабочей недели для лиц в возрасте 60 лет и старше (часов);

X9 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занятых в неформальном секторе экономики (%);

X10 – доля занятых в экономике в возрасте 60 лет и старше (%);

X11 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занимающихся волонтерской деятельностью (%);

X12 – средний доход домохозяйств лиц в возрасте 60 лет и старше (в месяц, руб.);

X13 – участие лиц в возрасте 60 лет и старше в программах наставничества (%);

X14 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, считающих недоступными услуги в сфере медицинского обслуживания в месте проживания (%);

X15 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, регулярно принимающих участие в уходе за детьми (%);

X16 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, регулярно принимающих участие в уходе за взрослыми членами домохозяйства (%);

X17 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, в окружении которых есть человек, с кем можно обсудить вопросы личного характера (%);

X18 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, регулярно пользующихся Интернетом (%);

X19 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, использующих Интернет для общения в социальных сетях (%);

X20 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, совершивших туристическую или экскурсионную поездку продолжительностью менее суток за последний год (%);

X21 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, совершивших туристическую или экскурсионную поездку продолжительностью более суток за последний год (%);

X22 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, участвующих в деятельности добровольных организаций (%);

X23 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, оценивших свое здоровье как «удовлетворительное» и лучше (%);

X24 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, относящихся к категории малоимущего населения (%);

X25 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих кинотеатры (%);

X26 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих театры (%);

X27 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих музеи, выставки (%);

X28 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих концерты (%);

X29 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих рестораны, кафе (%);

X30 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих религиозные учреждения или встречи верующих (%);

X31 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих спортивные мероприятия в качестве зрителя (%);

X32 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занимающихся в свободное время живописью, прикладным творчеством (%);

X33 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занимающихся в свободное время литературным творчеством, театром (%);

X34 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занимающихся в свободное время музыкой, пением, танцами и т. п. (%);

X35 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занимающихся в свободное время спортом и активными видами отдыха (%);

(3) X1 – удельный вес расходов на социальную политику в общем объеме расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ (%);

X3 – валовой региональный продукт на душу населения (рублей);

X4 – инвестиции в основной капитал на душу населения (рублей);

X5 – удельный вес убыточных организаций (%);

X6 – степень износа основных фондов по полному кругу организаций (%).

Использование данных выборочных обследований и методов статистического анализа позволило обосновать гипотезу о многообразии детерминант, определяющих масштабы реализации политики активного старения в регионах России.

Масштабы и виды социальной и экономической активности пожилых россиян

Рассмотрим характеристики масштабов и особенностей социальной и экономической активности пожилых людей в России, опираясь на данные выборочных обследований Росстата.

Значимую роль для пожилых людей в РФ играют отношения с детьми и внуками. Взаимоотношения и взаимодействие с детьми, сложившаяся система временных и денежных трансфертов выступают фактором социального, психологического, а подчас и экономического благополучия [23; 24]. Лишь 7,5% пожилых людей (старше 60 лет) не имеют детей. Взрослые дети в большинстве случаев проживают отдельно от родителей – 82,7%, но поддерживают с ними отношения.

Межсемейные трансферты выполняют важную роль в поддержании благополучия российских семей, выступают проявлением межпоколенческой солидарности. Большое количество пожилых людей оказывает помощь своим взрослым детям. Наряду с этим увеличивается и помощь взрослых детей своим родителям, что наглядно проявляется с увеличением возраста родителей.

Пожилые люди порой не стремятся включаться в социальную деятельность в значительной степени по причине интенсивных семейных контактов со своими взрослыми детьми и внуками. Исследования свидетельствуют о значительной доле во всех российских регионах бабушек и дедушек, занимающихся уходом за внуками [25]. По данным Росстата, 19,4% пожилых людей регулярно ухаживают за детьми (внуками), а 5,2% оказывают помощь в уходе за взрослыми членами семьи¹⁶.

22,2% пожилых людей считают, что медицинские услуги, предоставляемые государственными учреждениями в месте проживания, для них мало доступны. Этот факт сказывается на состоянии их здоровья и готовности вести активный образ жизни. 2/3 (69,6%) пожилых респондентов оценивают состояние своего здоровья как удовлетворительное, 9,8% – как хорошее и очень хорошее, 20,6% – как плохое и очень плохое. Причем большая часть пожилых людей (81,8%) полагает, что именно состояние здоровья не дает им возможности вести активную жизнь.

Среди пенсионеров по старости в 2023 г. только 3,7% респондентов, по информации Росстата, относились к категории малоимущих. Это значительно меньше, чем для других социально-демографических групп (уровень бедности в целом по России в 2023 г. составлял 8,3%)¹⁷. Тем не менее среднедушевой доход домохозяйств лиц старше трудоспособного возраста не слишком весом – 21,5 тыс. (2023 г.).

В современном обществе увеличиваются возможности для социальной активности пожилых людей вследствие доступности Интернета. 49,8% россиян старше 60 лет регулярно пользуются Интернетом (для сравнения: 84,5% всего населения в возрасте 15 лет и старше). 40,7% пожилых респондентов используют Интернет для общения в социальных сетях (для сопоставления: 74,1% всего населения).

¹⁶ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2022 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁷ Уровень жизни // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 01.02.2026).

В целом для пожилых людей в России характерна низкая мобильность. Лишь 16,1% из них совершили в течение года туристическую или экскурсионную поездку. Четверть (25,8%) никогда не совершали такие поездки. Среди причин отказа от экскурсий и путешествий лидируют нехватка средств (25,4%) и состояние здоровья (24,8%).

Респонденты старше 60 лет гораздо реже, по сравнению с представителями более молодых возрастов, посещают какие-либо культурные мероприятия. 6,4% лиц в возрасте старше 60 лет регулярно посещают кинотеатры, 7,5% – театры, 5,6% – музеи, 15,2% – концерты. Это связано с состоянием здоровья, психологическим самочувствием, отсутствием компании и интереса, недостатком средств. На таком фоне растет посещаемость религиозных учреждений, которая для лиц старше 60 лет составляет в среднем 26,9%.

Важным индикатором социальной активности пожилых выступает волонтерская деятельность. В России этот показатель пока нельзя считать значительным: по данным Обследования рабочей силы, в 2022 г. лишь 2,3% населения страны старше 15 лет принимали участие в волонтерской деятельности. Если для лиц в возрасте 60–64 года показатель соответствует среднему уровню, что, видимо, связано с участием в трудовой деятельности, то к возрасту 65–69 лет доля лиц, участвующих в волонтерской деятельности, сокращается до 1,9 %, а в возрастной группе 70–74 года – до 1,5%. В то же время 15,5% лиц в возрасте 60 лет и старше участвуют в программах наставничества по месту своей работы.

Количество рабочих часов в неделю после 60 лет значительно сокращается и равно 5,5 часа, в том числе для лиц в возрасте 60–64 года – 14,3 часа. Для сравнения: фактическая продолжительность рабочей недели на основной работе для россиян в 2022 г. в среднем составила 20,7 часов, достигая максимума для возрастного интервала 40–49 лет – 35,1 час.

Пожилым возраст не является фактором более широкого участия в трудовой деятельности в неформальном секторе экономики – только 3,2% лиц старше 60 лет заняты неформально.

Пока что в России незначительна доля пожилых людей, принимающих участие в образовательных программах или занимающихся самообразованием (всего 0,3%). Еще 0,4 % пожилых россиян хотели бы использовать такую возможность.

Не столь ощутимо число пожилых граждан, которых характеризует разнообразие досуговой деятельности. А именно: 8,2% пожилых респондентов занимаются в свободное время живописью, прикладным творчеством; 2,1% – литературным творчеством, театром; 2,3% – музыкой, пением, танцами и т. п.

Как видно из краткого обзора приведенных показателей, наиболее широко активность пожилых людей проявляется в сфере трудовой деятельности, значительное место в их жизни занимает семья, социальную активность пожилых россиян нельзя назвать масштабной. Вместе с тем обращает на себя внимание дифференциация большинства показателей по регионам России (табл. 3). Практически отсутствуют различия между регионами по таким характеристикам, как ожидаемая продолжительность предстоящей жизни; доля лиц в возрасте 60 лет и старше, в окружении которых есть человек, с кем можно обсудить вопросы личного характера (%); доля лиц в возрасте 60 лет и старше, оценивших свое здоровье как

«удовлетворительное» и лучше (%); доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занимающихся в свободное время спортом и активными видами отдыха.

Таблица 3

Описательные статистики (n=85)

Table 3

Descriptive statistics (n=85)

Переменные	Диапазон	Минимум	Максимум	Среднее	Дисперсия	Коэффициент вариации (%)
X1	26,19	6,93	33,12	21,0447	23,423	22,997
X2	12,14	66,20	78,34	71,7912	5,616	3,301
X3	9 001 036,5	148 586,8	9 149 623,3	910 443,518	1 744 256 721 184,641	145,062
X4	271 9546	44 488	2 764 034	240 869,36	170 881 528 932,282	171,619
X5	25,2	20,1	45,3	30,714	41,334	20,932
X6	35,5	29,3	64,8	43,528	55,888	17,175
X7	15,6	4,9	20,5	15,769	13,071	22,928
X8	7,72	2,74	10,46	5,6890	2,750	29,147
X9	18,6	0,2	18,8	3,631	7,128	73,528
X10	22,95	7,38	30,33	15,7788	21,230	29,201
X11	5,92	0,00	5,92	1,7524	1,895	78,564
X12	75 256,19	28 567,34	103 823,53	39 201,7659	157 743 977,975	32,038
X13	43,24	0,00	43,24	15,5036	81,554	58,249
X14	63,20	0,41	63,61	25,6567	145,084	46,947
X15	24,75	7,41	32,16	19,4360	25,155	25,805
X16	8,82	0,00	8,82	5,1588	3,721	37,390
X17	29,63	70,37	100,00	87,5770	43,532	7,534
X18	62,65	20,37	83,02	49,8466	150,931	24,646
X19	67,64	13,58	81,22	40,6948	156,989	30,789
X20	69,39	0,00	69,39	15,6569	149,537	78,103
X21	73,41	5,38	78,79	18,8743	98,736	52,646
X22	7,96	,00	7,96	2,3928	2,903	71,201
X23	35,11	64,89	100,00	79,6552	48,593	8,751
X24	36,33	0,00	36,33	4,4519	22,269	105,999
X25	35,29	0,00	35,29	6,3625	20,382	70,958
X26	28,86	0,00	28,86	7,4573	20,034	60,021
X27	24,82	0,00	24,82	5,6400	15,929	70,765
X28	40,54	1,88	42,42	15,2005	51,821	47,358
X29	34,96	3,77	38,73	16,3752	63,981	48,847
X30	64,02	1,23	65,25	26,8600	158,041	46,804
X31	19,05	0,00	19,05	4,7766	8,400	60,678
X32	23,53	0,00	23,53	8,2091	29,498	66,161
X33	7,63	0,00	7,63	2,1479	2,244	69,748
X34	6,06	0,00	6,06	2,3285	2,191	63,566
X35	28,57	71,43	100,00	88,0069	19,946	5,075
X36	408	156	564	419,59	8100,221	21,450

Источник: рассчитано автором

Наиболее значительные вариации характерны для таких показателей, как валовой региональный продукт на душу населения; инвестиции в основной капитал на душу населения; доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занятых в неформальном секторе экономики; доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занимающихся волонтерской деятельностью; доля лиц в возрасте 60 лет и старше, совершивших туристическую или экскурсионную поездку за последний год; доля лиц в возрасте 60 лет и старше, участвующих в деятельности добровольных организаций; доля лиц

в возрасте 60 лет и старше, относящихся к категории малоимущего населения; доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих кинотеатры. Это позволяет говорить о различной ситуации с положением пожилых граждан в регионах России, их социальной и экономической активностью.

При проведении многомерной группировки методом кластерного анализа были использованы данные по 85 регионам Российской Федерации. Переменные для анализа были отобраны с учетом вариативности показателей и числа наблюдений ($n=85$), необходимости отразить различные стороны положения пожилых людей.

Анализ матрицы парных ранговых коэффициентов Кенделла и величина вариации распределения признаков по регионам России показали, что для дальнейшего анализа следует использовать не все показатели. Как уже отмечалось выше, ряд показателей незначительно дифференцирован по регионам страны, что не дает возможности включить их в перечень при формировании типологических групп.

Группировка регионов России по характеристикам активного старения

Для проведения многомерной группировки использовались кластерный анализ методом Уорда, дисперсионный анализ (F-критерий значим для всех переменных на уровне $p \leq 0,004$) и построение дендрограмм, подтвердившие корректность разделения совокупности на 4 кластера (табл. 4).

Таблица 4

Средние значения переменных в кластерах

Table 4

Average values of variables in clusters

Показатели	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4
X1 – удельный вес расходов на социальную политику в общем объеме расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ	20,97	21,85	19,22	10,15
X2 – ожидаемая продолжительность предстоящей жизни	75,25	71,40	69,09	70,59
X3 – ВРП на душу населения	645 999,97	670 829,31	1 079 629,33	6 485 635,43
X5 – удельный вес убыточных организаций	31,54	29,10	37,51	40,97
X6 – степень износа основных фондов	36,70	44,99	41,23	52,33
X7 – доля населения в возрасте 65 лет и старше в численности населения	13,54	17,08	12,59	8,47
X9 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, занятых в неформальном секторе	6,62	3,07	3,39	1,47
X12 – средний доход домохозяйств лиц в возрасте 60 лет и старше	42 596,51	34 823,20	50 322,70	81 274,99
X13 – участие лиц в возрасте 60 лет и старше в программах наставничества	12,54	15,56	24,29	4,76
X14 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, считающих недоступными медицинские услуги	11,68	28,61	31,19	17,06
X19 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, использующих Интернет для общения в социальных сетях	50,29	36,56	48,86	56,84
X20 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, совершивших туристическую или экскурсионную поездку продолжительностью менее суток за последний год	22,74	16,34	23,03	40,40

Продолжение таблицы 4

Показатели	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4
X23 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, оценивших свое здоровье как «удовлетворительное» и лучше	24,57	13,35	21,43	25,14
X24 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше относящихся к категории малоимущих	34,97	26,75	13,57	26,69
X25 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих кинотеатры	7,32	3,74	5,83	1,64
X27 – доля лиц в возрасте 60 лет и старше, посещающих музеи, выставки	1,52	2,25	4,81	2,90

Источник: рассчитано автором

Кластер 1. Регионы, входящие в первый кластер, характеризует наибольшая величина ожидаемой продолжительности жизни, они занимают второе место по доле пожилых в общей численности населения. В состав кластера входят очень разные регионы – крупные мегаполисы и республики Северного Кавказа. В силу разных причин их отличает более высокая продолжительность жизни населения на фоне других регионов РФ. Вместе с тем для совокупности названных регионов характерна весомая доля расходов региональных бюджетов на социальную политику (21%) – это два показателя, оказавшие наиболее существенное влияние на формирование группы (даже в ситуации, когда во многих регионах кластера наблюдается невысокое значение ВРП на душу населения и инвестиций в основной капитал, что не лучшим образом характеризует экономическую ситуацию в территории). Здесь весьма значительна доля малоимущего населения в пожилых возрастах, что вероятно связано с невысоким уровнем занятости пожилых людей, включая занятость в неформальном секторе. Однако пожилые люди высоко оценивают свое здоровье и редко считают, что услуги медицинской помощи им недоступны.

Кластер 2. Второй кластер, являющийся наиболее типичным, объединяет 60 регионов. Их характеризует максимальная доля расходов на социальную политику и максимальная доля пожилых людей в составе населения. Вместе с тем регионы занимают второе место по показателю продолжительности жизни. Для регионов первого и второго кластеров характерны разные модели старения. В первый кластер входят регионы, где наблюдается значительная продолжительность жизни населения, и наряду с этим пока сохраняется довольно большая доля лиц в молодых и трудоспособных возрастах за счет относительно более высокой рождаемости в предыдущие годы. Во втором кластере сосредоточились регионы, где велика доля пожилого населения, однако уровень долголетия незначителен в силу невысокой продолжительности жизни. Пожилые люди данного кластера хуже жителей других регионов оценивают состояние своего здоровья, среди них очень высока доля тех, кто считает медицинские услуги в регионе недоступными. Для регионов второго кластера характерны минимальные уровни занятости пожилых людей и продолжительности их рабочей недели. Здесь самая низкая доля пожилых людей, пользующихся социальными сетями, осуществляющих туристические и экскурсионные поездки. В то же время в регионах данного кластера пожилые люди чаще сосредоточены на оказании помощи членам своей семьи.

Кластер 3. Регионы третьего кластера – это северные и северо-восточные территории России, для которых присущ миграционный отток, в экономической деятельности регионы вынуждены опираться на свои трудовые ресурсы. В регионах этого кластера для пожилых людей характерны максимальная вовлеченность в трудовую деятельность, как и продолжительность рабочей недели, более значительное участие в деятельности добровольных организаций и программах наставничества. Здесь минимальна доля малоимущих среди пожилых граждан, относительно высоки среднедушевые доходы, как и размер ВРП на душу населения.

Кластер 4. В четвертый кластер вошли всего 3 региона – национальные автономии, северные территории. Здесь наблюдаются незначительный уровень старения населения и минимальная доля затрат на социальную политику, а также отток пожилых людей после их выхода на пенсию. Это сказывается на величине затрат на социальную политику, в том числе на помощь пожилым гражданам. Для данного кластера характерны максимальный уровень ВРП на душу населения и средний доход домохозяйств лиц в возрасте 60 лет и старше. Ситуация демонстрирует, что не всегда высокий уровень ВРП определяет величину расходов на социальную политику (особенно при значительных доходах населения), в том числе и на поддержку социально уязвимых групп. Для пожилых людей, проживающих в этих регионах, показательна большая туристическая активность, они чаще используют возможности социальных сетей для общения.

Таблица 5

Состав кластеров

Table 5

Cluster composition

Кластер	Регионы
Кластер 1 (n=14)	Москва, Санкт-Петербург, Севастополь; Белгородская, Московская, Калининградская области, Республики Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия-Алания, Чеченская, Татарстан
Кластер 2 (n=60)	Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская, Архангельская, Вологодская, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Астраханская, Волгоградская, Ростовская, Кировская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Курганская, Свердловская, Тюменская, Челябинская, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская, Сахалинская области; Республики: Карелия, Коми, Адыгея, Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртская, Чувашская, Алтай, Хакасия, Бурятия; Краснодарский, Ставропольский, Пермский, Алтайский, Красноярский, Забайкальский, Хабаровский края; Ханты-Мансийский автономный округ
Кластер 3 (n=8)	Амурская, Магаданская, Мурманская области, Еврейская автономная область; Камчатский, Приморский края; Республики Тыва, Саха (Якутия)
Кластер 4 (n=3)	Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа

Источник: рассчитано автором

Заключение

Реализация модели политики активного старения определяется совокупностью демографических, экономических и социальных факторов, а ее масштабы – в значительной степени проблемами рынка труда и дефицитом рабочей силы. Стимулирование трудовой активности лиц пенсионных возрастов обусловлено не только масштабностью процесса старения, но и дефицитом рабочей силы, в том

числе и в связи с миграционной ситуацией. Повышение пенсионного возраста привело к росту занятости лиц в возрасте 60–64-х лет, однако сократило вторичную занятость пенсионеров (лиц старше 65 лет). Отсутствие доходов от занятости приводит к снижению уровня жизни пожилых людей, что становится особенно заметным при значительных масштабах старения населения.

Исследование, проведенное с использованием методов многомерной классификации, показало, что политика активного старения значительно дифференцирована по регионам страны в зависимости от демографической и социально-экономической ситуации.

Значимых изменений в жизнедеятельности пожилых людей в России, стратегиях их поведения в последнее время не произошло. Характеристики положения пожилых граждан в наиболее типичном втором кластере, насчитывающем 60 регионов, свидетельствуют о том, что внушительная в численности населения региона доля пожилых россиян отнюдь не приводит к увеличению доли расходов на социальную политику в бюджете. Объемы социальной политики в большей степени определяются экономическим благополучием территории.

С другой стороны, значительные затраты на социальную политику в регионе пока что не приводят к изменению положения пожилых людей, что, по-видимому, обуславливается и структурой социальных расходов. Социально-экономические возможности далеко не всех регионов позволяют проводить комплексную политику активного старения.

Для большей части регионов страны показателен традиционный образ жизни пожилого человека (кластер 2): пожилые люди мало включены в социальную деятельность, значительное место в их жизни занимает взаимодействие с членами семьи, взаимопомощь со взрослыми детьми. Для пожилого человека характерны наличие различных заболеваний и экономические проблемы, роль бабушек и дедушек оставляет далеко позади (по затратам времени и распространенности) такие формы досуга, как путешествия, саморазвитие и общественную деятельность. На экономическом положении пожилых россиян сказывается и невысокий уровень их занятости в экономике (в силу состояния здоровья и возрастной конкуренции на рынке труда).

Определенным стимулом для реализации политики активного старения выступает дефицит трудовых ресурсов, отягощенный сложной миграционной ситуацией. Вовлеченность пожилых людей во вторичную занятость (после выхода на пенсию) сопровождается их участием в деятельности добровольных организаций, программах наставничества, волонтерской деятельности.

В реализации политики активного старения играет роль не столько факт увеличения доли лиц старше 60 лет (или 65 лет) в составе населения, сколько рост ожидаемой продолжительности жизни и увеличение уровня долголетия. Это присуще регионам с наиболее благоприятной социально-экономической ситуацией, где больше возможностей для реализации социальной политики активного старения. Кроме того, для таких регионов характерен более высокий уровень занятости пожилых людей в экономике. В случае, если в экономически благополучном регионе наблюдается рост численности долгожителей, это способствует увеличению

социальных расходов, в том числе на реализацию политики в интересах пожилых граждан, их вовлечению в трудовую деятельность.

Говорить о широком распространении модели «активного старения» среди пожилых россиян пока оснований нет. Фиксируемые отдельными исследователями изменения в области социальной активности пожилых людей носят качественный характер и не позволяют вести речь о значительных масштабах.

Формирование модели «активного старения» диктует необходимость развития учреждений социальной инфраструктуры, деятельность которых направлена на оказание услуг пожилым людям, повышение уровня и качества их жизни, включая предоставление широкого спектра медицинских услуг. Эти проблемы не имеют быстрого решения, что необходимо учитывать при оценке результативности и корректировке политики в отношении граждан пожилого возраста, в частности Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2030 г.

Список литературы

1. *Шестакова, Е. Е.* Старение населения и изменение в социальной политике развитых стран // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 2(15). С. 60–76. DOI [10.52342/2587-7666VTE_2022_2_60_76](https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_2_60_76). EDN [VFRWPK](https://www.edn.ru/entry/VFRWPK).
2. *Крупейченко, О. Е.* Глобальное старение и трудовой потенциал работников старших возрастных групп // Журнал Белорусского государственного университета. Экономика. 2018. № 1. С. 67–76. EDN [YLZQUP](https://www.edn.ru/entry/YLZQUP).
3. *Zaidi, A.* Measuring Active and Healthy Ageing: Lessons from Active Ageing Index of the European Countries // Innovation in Aging. 2017. Vol. 1, № 1. P. 959. DOI [10.1093/geroni/igx004.3456](https://doi.org/10.1093/geroni/igx004.3456).
4. *Вишневецкий, А. Г.* Перспективы развития России: роль демографического фактора / А. Г. Вишневецкий, Е. М. Андреев, А. И. Трейвиш. Москва, 2003. 61 с. (ISBN 5-93255-108-9. EDN [PYNJTT](https://www.edn.ru/entry/PYNJTT)).
5. *Григорьева, И.* Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 / И. Григорьева, Е. Богданова // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 2. С. 187–211. DOI [10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211). EDN [WMGFWL](https://www.edn.ru/entry/WMGFWL).
6. *Синявская, О. В.* Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? / О. В. Синявская, А. А. Червякова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5(171). С. 94–121. DOI [10.14515/monitoring.2022.5.2043](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2043). EDN [GNFMLV](https://www.edn.ru/entry/GNFMLV).
7. *Вишневецкий, А. Г.* Незавершенная демографическая модернизация в России // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2009. № 10. С. 55–82. ISSN 1818-6963. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/SPERO/pdf/10/spero10_55-82.pdf.
8. *Щербакова, Е. М.* Население России по прогнозам ООН / Е. М. Щербакова, В. А. Козлов // Демоскоп Weekly. 2017. № 717–718. С. 1–20. EDN [XXJCJN](https://www.edn.ru/entry/XXJCJN).
9. *Сапонов, Д. И.* Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения / Д. И. Сапонов, А. А. Смолькин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 5(111). С. 83–94. EDN [PGJYJB](https://www.edn.ru/entry/PGJYJB).
10. *Foster, L.* Active Ageing across the Life Course: Towards a Comprehensive Approach to Prevention / L. Foster, A. Walker // BioMed Research International. 2021. Vol. 11. Article № 6650414. DOI [10.1155/2021/6650414](https://doi.org/10.1155/2021/6650414).
11. *Калачикова, О. Н.* Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия / О. Н. Калачикова, А. В. Короленко, Л. Н. Наун // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1(173). С. 20–45. DOI [10.14515/monitoring.2023.1.2209](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209). EDN [TYOGUM](https://www.edn.ru/entry/TYOGUM).
12. *Mahani, S. A.* Active Aging Needs from the Perspectives of Older Adults and Geriatric Experts: A Qualitative Study / S. A. Mahani, M.E. Babadi, Z. Farajzadegan, M. Keshvari, J. Farokhzadian // Frontiers in Public Health. 2023. № 11. Article № 1121761. DOI [10.3389/fpubh.2023.1121761](https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1121761).

13. Тихонова, Н. Е. Социальный капитал как фактор неравенства // *Общественные науки и современность*. 2004. № 4. С. 24–35. EDN [NJYFLY](#).
14. Хиггс, П. Эгоистичное поколение: исследование концепции / П. Хиггс, К. Джиллеард, Я. Р. Джонс // *Социология власти*. 2014. № 3. С. 10–30. EDN [TFQPJP](#).
15. Григорьева, И. А. Социальное включение пожилых: продление занятости или «продвинутой» досуг? / И. А. Григорьева, А. В. Дмитриева, А. С. Биккулов // *Государство и граждане в электронной среде*. 2017. № 1. С. 298–307. EDN [YWWAJQ](#).
16. Varlamova, M. Active Ageing Index as an Evidence Base for Developing a Comprehensive Active Ageing Policy in Russia / M. Varlamova, A. Ermolina, O. Sinyavskaya // *Journal of Population Ageing*. 2017. Vol. 10, № 1. Pp. 41–71. DOI [10.1007/s12062-016-9164-0](#). EDN [KRNRFQ](#).
17. Barysheva, G. A. Active Ageing Index: A Russian Study / G. A. Barysheva, E. A. Frolova, V. A. Malanina, E. A. Taran // *Building Evidence for Active Ageing Policies: Active Ageing Index and its Potential*. Singapore : Springer, 2018. Pp. 409–435. DOI [10.1007/978-981-10-6017-5_19](#). EDN [XXPXDN](#).
18. Davis, C. M. The Changing Capabilities of Cohorts of the Elderly in Russia during 1990–2020: Measurement Using a Quantitative Index // *Journal of Population Ageing*. 2018. Vol. 11. Pp. 153–208. DOI [10.1007/s12062-017-9179-1](#).
19. Zaidi, A. The Asian Active Ageing Index: Results for Indonesia and Thailand / A. Zaidi, J. Um // *Social Development Working Papers*. 2019. № 2019/05. 86 p. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/WP%202019-05_Active%20Ageing%20Index.pdf.
20. Zaidi, A. Active Ageing Index 2012. Concept, Methodology and Final Results. Research Memorandum / A. Zaidi, K. Gasior, M.M. Hofmarcher et al. Vienna : European Centre, 2013. 68 p. URL: www.euro.centre.org/data/aai/1253897823_70974.pdf.
21. Григорьева, И. А. Отложенное старение и поздняя взрослость: анализ динамики научных публикаций методом тематического картирования / И. А. Григорьева, Л. А. Видясова // *Журнал исследований социальной политики*. 2024. Т. 22, № 2. С. 225–242. DOI [10.17323/727-0634-2024-22-2-225-242](#). EDN [UNDEJE](#).
22. Горбатов, С. Ю. Глобальная демографическая проблема и активное старение (обзор литературы) / С. Ю. Горбатов, Е. И. Аксенова, Ю. В. Бурковская [и др.] // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2023. Т. 31, № S2. С. 1109–1114. DOI [10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1109-1114](#). EDN [RBCVXQ](#).
23. Прокофьева, Л. М. Роль межсемейного обмена в системе материальной поддержки и ухода за пожилыми в современной России / Л. М. Прокофьева, А. А. Миронова // *Демографическое обозрение*. 2015. Т. 2, № 3. С. 69–86. EDN [WFEHKL](#).
24. Ris, I. An Integrative Review on Family Caregivers' Involvement in Care of Home-Dwelling Elderly / I. Ris, W. Schnepf, R. Mahrer Imhof // *Health Social Care in the Community*. 2019. Vol. 27. Pp. 95–111. DOI [10.1111/hsc.12663](#).
25. Гурко, Т. А. Взаимопомощь городских родителей и взрослых детей: различия в возрастных, образовательных и доходных группах // *Социологическая наука и социальная практика*. 2020. Т. 8, № 3(31). С. 134–148. DOI [10.19181/snsp.2020.8.3.7492](#). EDN [DCNHYQ](#).

Сведения об авторе

Кучмаева Оксана Викторовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН; профессор кафедры народонаселения, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kuchmaeva@yandex.ru; ORCID: [0000-0003-0386-857X](#); РИНЦ SPIN-код: [1948-0872](#); Web of Science Researcher ID: [L-9513-2015](#); Scopus Author ID: [35183367300](#).

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; принята в печать 16.03.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REGIONAL DIFFERENTIATION OF ACTIVE AGING POLICY IN MODERN RUSSIA

Oksana V. Kuchmaeva

*Institute of Social Demography FCTAS RAS;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
E-mail: kuchmaeva@yandex.ru*

For citation: Kuchmaeva, O. V. Regional Differentiation of Active Aging Policy in Modern Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 1. Pp. 110–128. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.7](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.7). (In Russ.)

Abstract. The process of population aging is a characteristic feature of modern demographic and socioeconomic situations in countries around the world. This process affects the regions of Russia to varying degrees, and Russia participates in implementing the Madrid International Action Plan on Aging (2002) and has a Strategy for Actions in the interests of older citizens in the Russian federation until 2030 in place. The aim of this study is to determine typological groups for Russian regions based on their level of aging and socioeconomic situation. The study uses data from official statistics and sample surveys conducted by Rosstat, such as the Comprehensive Monitoring of living conditions (2022) and the Labor Force Survey (LFS) (2012). According to the latest data, the share of people aged 65 and over in the total population of Russia is 16,6%. This figure ranges from 4,9% in Ingushetiya to 20,5% in Tambov Oblast and Tula Oblast. Population aging makes active aging policies more relevant, as it involves engaging older people in economic activities. The implementation of these policies varies across regions due to demographic, economic and social factors, and a study using multidimensional clustering methods identified typologies of regions based on characteristics and determinants for active aging. The results showed that encouraging labor force participation among older individuals depends not only on the scale of aging but also on labor shortages in a region and its socioeconomic ability to implement active policies.

Keywords: population aging, aging indices, active aging policy, cluster analysis, differentiations of active aging policies, older adults

References

1. Shestakova, E. E. Population Ageing and Changes in Social Policy in the Developed Countries. *Issues of Economic Theory*. 2022. No. 2(15). Pp. 60–76. DOI [10.52342/2587-7666VTE_2022_2_60_76](https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_2_60_76). (In Russ.).
2. Krypeichenko, O. E. Global Ageing and Labour Potential Employees of Older Age Groups. *Journal of the Belarusian State University. Economics*. 2018. No. 1. Pp. 67–76. (In Russ.).
3. Zaidi, A. Measuring Active and Healthy Ageing: Lessons from Active Ageing Index of the European Countries. *Innovation in Aging*. 2017. Vol. 1, No. 1. P. 959. DOI [10.1093/geroni/igx004.3456](https://doi.org/10.1093/geroni/igx004.3456).
4. Vishnevsky, A. G., Andreev, E. M., Treivish, A. I. *Perspektivy razvitiya Rossii: rol' demograficheskogo faktora [Prospects for Russia's Development: The Role of the Demographic Factor]*. Moscow, 2003. 61 p. ISBN 5-93255-108-9. (In Russ.).
5. Grigoryeva, I., Bogdanova, E. The Concept of Active Aging in Europe and Russia in the Face of the COVID-19 Pandemic. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2020. No. 2. Pp. 187–211. DOI [10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211). (In Russ.).
6. Sinyavskaya, O. V., Cherviakova, A. A. Active Aging in Russia During Economic Stagnation: What Can We Learn from the Dynamics of the Active Ageing Index? *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022. No. 5(171). Pp. 94–121. DOI [10.14515/monitoring.2022.5.2043](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2043). (In Russ.).
7. Vishnevsky, A. G. Nezavershennaya demograficheskaya modernizatsiya v Rossii [Unfinished Demographic Modernization in Russia]. *SPERO. Social Policy: Expertise, Recommendations, Overviews*. 2009. № 10. C. 55–82. ISSN 1818-6963. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/SPERO/pdf/10/spero10_55-82.pdf. (In Russ.).
8. Shcherbakova, E. M., Kozlov, V. A. Naseleniye Rossii po prognozam OON [Population of Russia According to UN Gorecasts.]. *Demoscope Weekly*. 2017. No. 717–718. Pp. 1–20. (In Russ.).
9. Saponov, D. I., Smolkin, A. A. Sotsial'aya eksklyuziya pozhilykh: k razrabotke modeli izmereniya [Social Exclusion of the Elderly: Towards the Development of a Measurement Model]. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2012. No. 5(111). Pp. 83–94. (In Russ.).

10. Foster, L., Walker, A. Active Ageing across the Life Course: Towards a Comprehensive Approach to Prevention. *BioMed Research International*. 2021. Vol. 11. Article No. 6650414. DOI [10.1155/2021/6650414](https://doi.org/10.1155/2021/6650414).
11. Kalachikova, O. N., Korolenko, A. V., Nutsun, L. N. Theoretical and Methodological Foundations of Active Longevity Research. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023. No. 1(173). Pp. 20–45. DOI [10.14515/monitoring.2023.1.2209](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209). (In Russ.).
12. Mahani, S. A., Babadi, M.E., Farajzadegan, Z., Keshvari, M., Farokhzadian, J. Active Aging Needs from the Perspectives of Older Adults and Geriatric Experts: A Qualitative Study. *Frontiers in Public Health*. 2023. No. 11. Article No. 1121761. DOI [10.3389/fpubh.2023.1121761](https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1121761).
13. Tikhonova, N. Social Capital as Factor of Inequality. *Social Sciences and Modernity*. 2004. No. 4. Pp. 24–35. (In Russ.).
14. Higgs, P., Gilleard, Ch., Jones, I. R. Exploring the Idea of a “Selfish Generation”. *Sociology of Power*. 2014. No. 3. Pp. 10–30. (In Russ.).
15. Grigoryeva, I. A., Dmitrieva, A. V., Bikkulov, A. S. Social Inclusion of Older People: Continuing Working Life or Leisure Time? *The State and Citizens in the Electronic Environment*. 2017. No. 1. Pp. 298–307. (In Russ.).
16. Varlamova, M., Ermolina, A., Sinyavskaya, O. Active Ageing Index as an Evidence Base for Developing a Comprehensive Active Ageing Policy in Russia. *Journal of Population Ageing*. 2017. Vol. 10, No. 1. Pp. 41–71. DOI [10.1007/s12062-016-9164-0](https://doi.org/10.1007/s12062-016-9164-0).
17. Barysheva, G. A., Frolova, E. A., Malanina, V. A., Taran, E. A. Active Ageing Index: A Russian Study. In: *Building Evidence for Active Ageing Policies: Active Ageing Index and its Potential*. Singapore : Springer, 2018. Pp. 409–435. DOI [10.1007/978-981-10-6017-5_19](https://doi.org/10.1007/978-981-10-6017-5_19).
18. Davis, C. M. The Changing Capabilities of Cohorts of the Elderly in Russia during 1990–2020: Measurement Using a Quantitative Index. *Journal of Population Ageing*. 2018. Vol. 11. Pp. 153–208. DOI [10.1007/s12062-017-9179-1](https://doi.org/10.1007/s12062-017-9179-1).
19. Zaidi, A., Um, J. *The Asian Active Ageing Index: Results for Indonesia and Thailand*. Social Development Working Papers. 2019. No. 2019/05. 86 p. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/WP%202019-05_Active%20Ageing%20Index.pdf.
20. Zaidi, A., Gasior, K., Hofmarcher, M. M. et al. Active Ageing Index 2012. Concept, Methodology and Final Results. Research Memorandum. Vienna : European Centre, 2013. 68 p. URL: www.euro.centre.org/data/aai/1253897823_70974.pdf.
21. Grigoryeva, I., Vidiyasova, L. Delayed Aging and Late Adulthood: Analysis of the Dynamics of Academic Publications Using Thematic Mapping Method. *Journal of Social Policy Studies*. 2024. T. 22, № 2. C. 225–242. DOI [10.17323/727-0634-2024-22-2-225-242](https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-2-225-242). (In Russ.).
22. Gorbatov, S. Yu., Akseonova, E. I., Burkovskaya, Yu. V., Ivanov, A. V., Gazheva, A.V. Global Demographic Problem and Active Aging (Literature Review). *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2023. Vol. 31, No. S2. Pp. 1109–1114. DOI [10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1109-1114](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1109-1114). (In Russ.).
23. Prokofieva, L., Mironova, A. The Role of Interfamily Exchange in the System of Material Support and Care for the Elderly in Modern Russia. *Demographic Review*. 2015. Vol. 2, No. 3. Pp. 69–86. (In Russ.).
24. Ris, I., Schnepf, W., Mahrer Imhof, R. An Integrative Review on Family Caregivers’ Involvement in Care of Home-Dwelling Elderly. *Health Social Care in the Community*. 2019. Vol. 27. Pp. 95–111. DOI [10.1111/hsc.12663](https://doi.org/10.1111/hsc.12663).
25. Gurko, T. A. Mutual Assistance of Urban Parents and Adult Children: Differences in Age, Educational and Income Groups. *Sociological Science and Social Practice*. 2020. Vol. 8, No. 3(31). Pp 134–148. DOI [10.19181/snsp.2020.8.3.7492](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7492). (In Russ.).

Bio note

Oksana V. Kuchmaeva, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS; Professor, Department of Population, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kuchmaeva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-0386-857X](https://orcid.org/0000-0003-0386-857X); RSCI SPIN-code: [1948-0872](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=1948-0872); Web of Science Researcher ID: [L-9513-2015](https://orcid.org/L-9513-2015); Scopus Author ID: [35183367300](https://orcid.org/35183367300).

The article was received on 21.01.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The author has read and approved the final manuscript.